

ИСТОРИЯ

УДК 902/904

А.П. Бородовский, З. Самашев, Б.А. Сиражева

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С ПРИЗНАКАМИ ПЕРВИЧНОЙ РАЗДЕЛКИ РОГОВОГО СЫРЬЯ НА ЮГО-ЗАПАДЕ АЛТАЯ

*Аналитическая часть исследования выполнена при поддержке
Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.*

Анализируются материалы кургана 13, некрополя Каракаба I на Алтае, в которых содержится значительное количество рогов марала со следами разделки, что является первым прецедентом таких археологических комплексов. Захоронение с комплексом рогового сырья позволяет рассматривать это погребение как одно из эталонных для средневекового косторезного дела, характерного для древнетюркской культурной среды не только Центральной Азии, но и юга Западной Сибири. Традиция использования рога в охотничьем и военном быту тюркских народов Саяно-Алтая была широко распространена к концу I тыс. н.э. вплоть до Восточной Европы.

Ключевые слова: Алтай; заготовка косторезного сырья; древнетюркское время; специализация производства.

Введение. Некрополь Каракаба I расположен на территории Катонкарагайского района Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан. Археологический памятник является разновременным (рис. 1). Восточная цепочка курганов сформировалась в эпоху раннего железа, а западная относится к эпохе Средневековья (VII–VIII вв. н.э.) [1–3]. Кургана 13 Каракабы I (рис. 2) имел размер наземного сооружения 9,5×9,8 м и высоту до 0,70–0,80 м. На глубине 0,20 м внутри подпрямоугольной в плане ограды первоначального сооружения выявлено могильное пятно в форме латинской буквы «L». Оно было образовано от расположенного по линии ЗВ контура входной ямы и примыкающей к ней с северной стороны овально-вытянутой полосы. Функция дополнительной поперечной ямы, частично прорезающей восточный конец входного колодца, не вполне ясна. На ее дне лежали левая задняя нога лошади в сочленении, на разных глубинах зафиксированы кости овцы, лошади, древесины, рога марала и роговые изделия (рис. 3). Общий комплект роговых заготовок, отражающих первичную разделку марального рога из древнетюркского захоронения кургана 13 Каракабы I, состоит из 17 предметов, включающих две роговых кирки (рис. 4, 9). На дне входного колодца лежали кости лошади в анатомическом порядке, отсутствовала та самая задняя левая нога (рис. 3, 3), которая находилась в сочленении на 10–12 см выше в другой яме. На глубине 2,57 м в южной части входного колодца выявлена подбойная яма, где лежал скелет взрослого человека в анатомическом порядке. Голова умершего покоилась на каменной «подушке». В состав сопроводительного инвентаря входили две серьги, железный наконечник, остатки кожного сосуда, железный нож, серебряный наконечник ремня с фрагментом кожи, кости животных и куски древесины. К потенциальным косторезным инструментам из погребения кургана 13 Каракабы I мог относиться железный черешковый нож. Он имеет длину лезвия 10 см и ширину до 1 см (рис. 5). Такой длинный и массивный нож вполне соответствует параметрам орудия, необходимого для первичной разделки рогового сырья и его грубой последующей обработки.

Основная часть. Рога со следами разделки из кургана 13 Каракабы I отличаются достаточно значительными размерами. Величина, форма и симметричность рогов, кроме благоприятных условий жизни животного, зависят от места обитания особи относительно границ ареала в регионе. По наблюдениям Г.Г. Собанского, к периферии ареала размеры рогов уменьшаются, а к центру увеличиваются. На территории Алтая рога наибольших размеров происходят из малоснежных районов в бассейне рек Сумалта, Кадрин, Башкаус, Чебдар, Шавла, Аргут. В эту зону входит и долина р. Кара-Каба. На ее территории обитают разнообразные копытные (маралы, косули, лоси), обладающие цельнороговым сырьем. В речной долине располагались зимовки пастухов, перегоняющих скот из Зайсанских пустынь. Следует подчеркнуть, что изображение оленя с достаточно развитыми и разветвленными рогами встречено среди материалов торефтики кургана 9 Каракабы I [4. С. 385. Рис. 196, 1] (рис. 6). Следует отметить, что близкое изображение оленя с разветвленными рогами на предметах торефтики известно также в степном Алтае у с. Плотниково в Верхнем Приобье у г. Камень-на-Оби [5. С. 16. Рис. 6, 2–4] (рис. 7).

Размеры рогов из погребения и ритуального комплекса кургана 13 Каракабы I, а также характер первичной разделки сближают их с аналогичным роговым сырьем на современной зимней пастушеской стоянке на плато Укок [6. С. 84. Рис. 57]. Такое сходство не случайно, поскольку заготовка и переработка рогового сырья на Алтае ведутся на территории нескольких зон, включая ресурсные и производственные. Для первых зон, расположенных в высокогорье, характерно наличие естественного значительного потенциала рогового материала, связанного с интенсивностью обитания цельнорогих животных (косуль, маралов, лосей) в данном ареале. Добыча рогового материала на этих территориях осуществляется в ходе присваивающей хозяйственной деятельности, включая охоту и собирательство. Различия происхождения рогового материала отражаются на морфологическом и трассологическом уровнях. Рога, добытые в ходе собирательства, располагают

ние рогов маралами происходит начиная с февраля и весной.

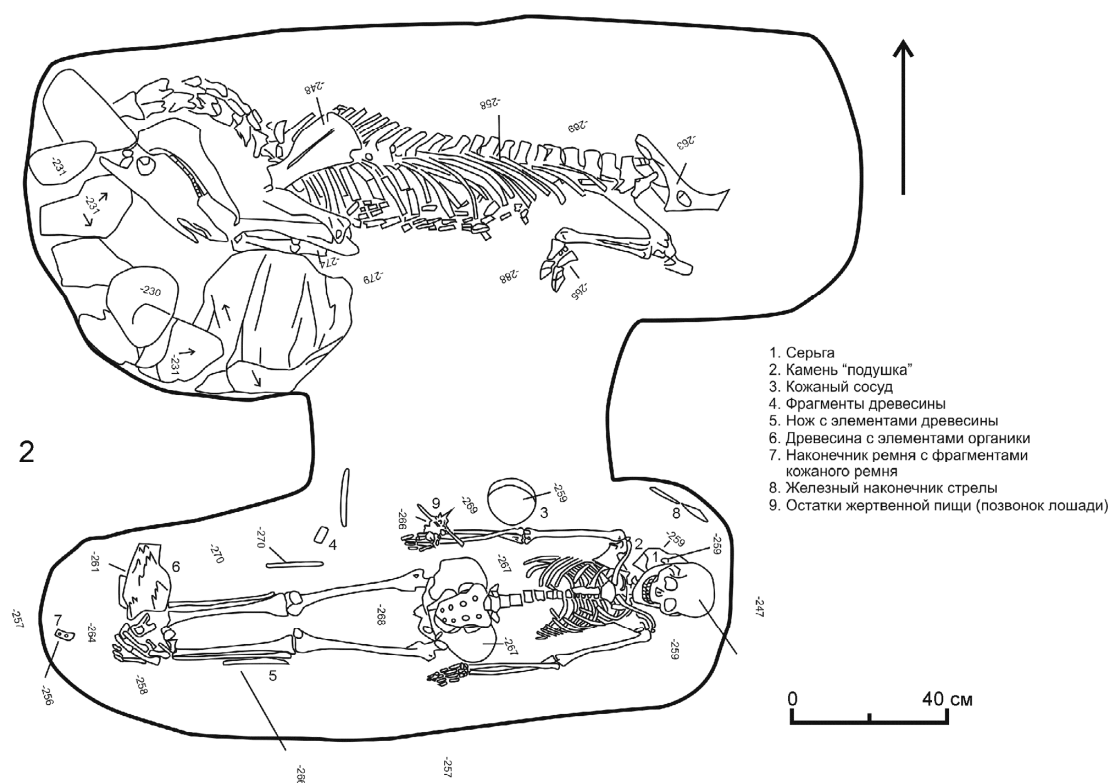
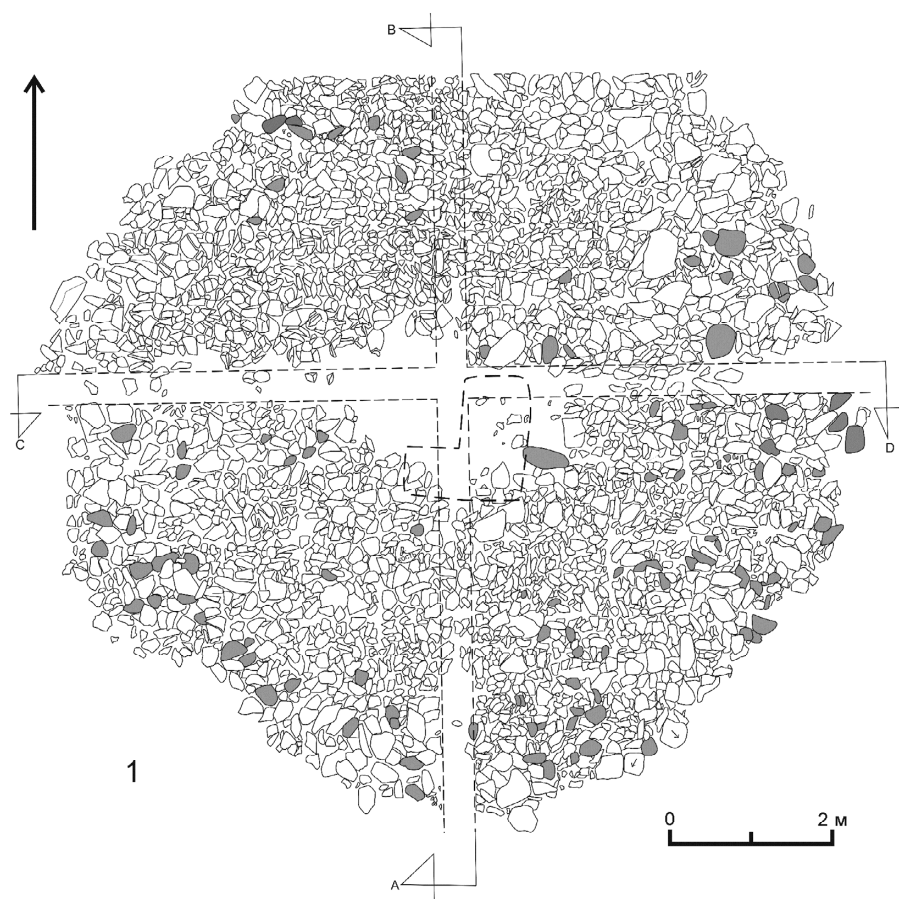

Рис. 2. Кургan 13 Каракабы I. 1 – каменная конструкция кургана; 2 – подбойное погребение с конем

Рис. 3. Части рассеченных рогов в заполнении сопроводительного конского захоронения: 1 – роговое разветвление; 2 – длинный роговой отросток; 3 – основание сброшенного рога

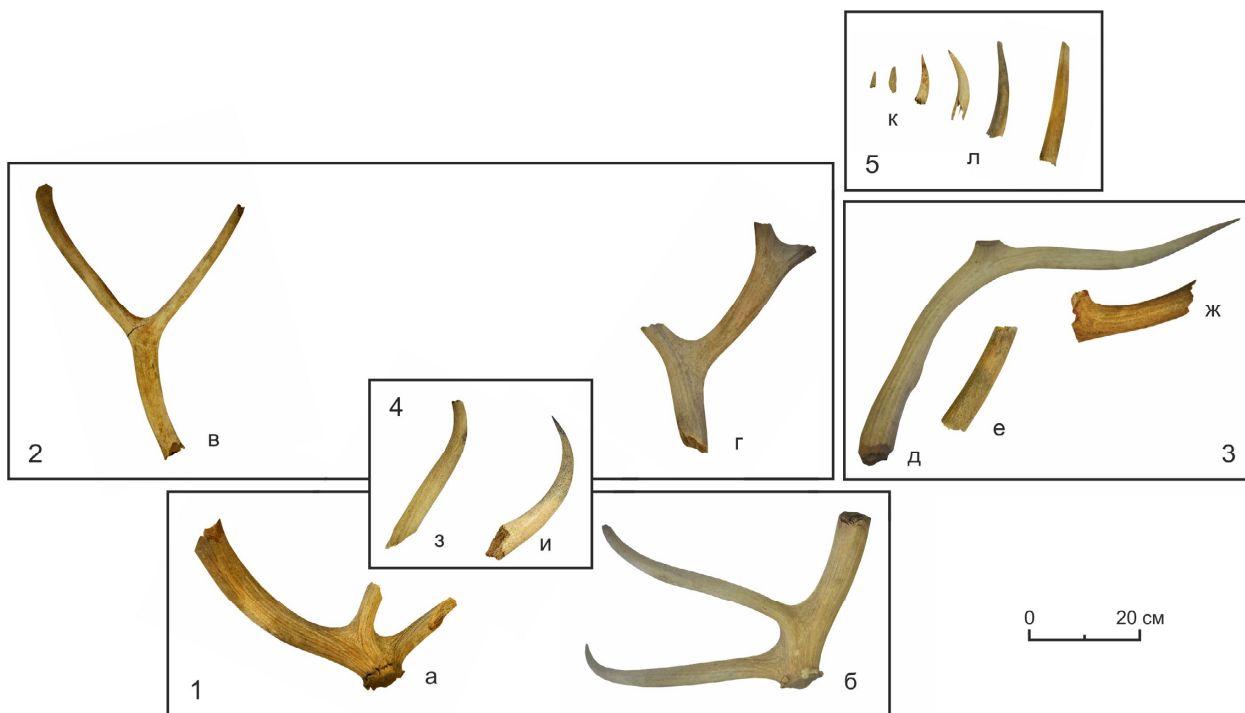

Рис. 4. Раскрой рогового сырья. 1 – отсечение роговых отростков и нижней части ветви у сброшенных рогов (а – участок с отделенными роговыми отростками и перерубленной ветвью; б – участок с отсеченной роговой ветвью); 2 – отсечение верхней части роговой ветви и роговых отростков (в – верхняя часть роговой ветви с разветвлением и отсеченными окончаниями роговых отростков; г – верхняя часть роговой ветви с частично сохранившимся разветвлением и отсеченными роговыми отростками); 3 – разделка роговой ветви (д – роговая ветвь с одним из отсеченных отростков разветвления; е – участок ствола роговой ветви; ж – фрагмент рогового ствола у разветвления); 4 – нижние, надглазничные роговые отростки (з, и); 5 – верхние роговые отростки и их окончания (к – окончания роговых отростков; л – роговые отростки)

Рис. 5. Железный нож

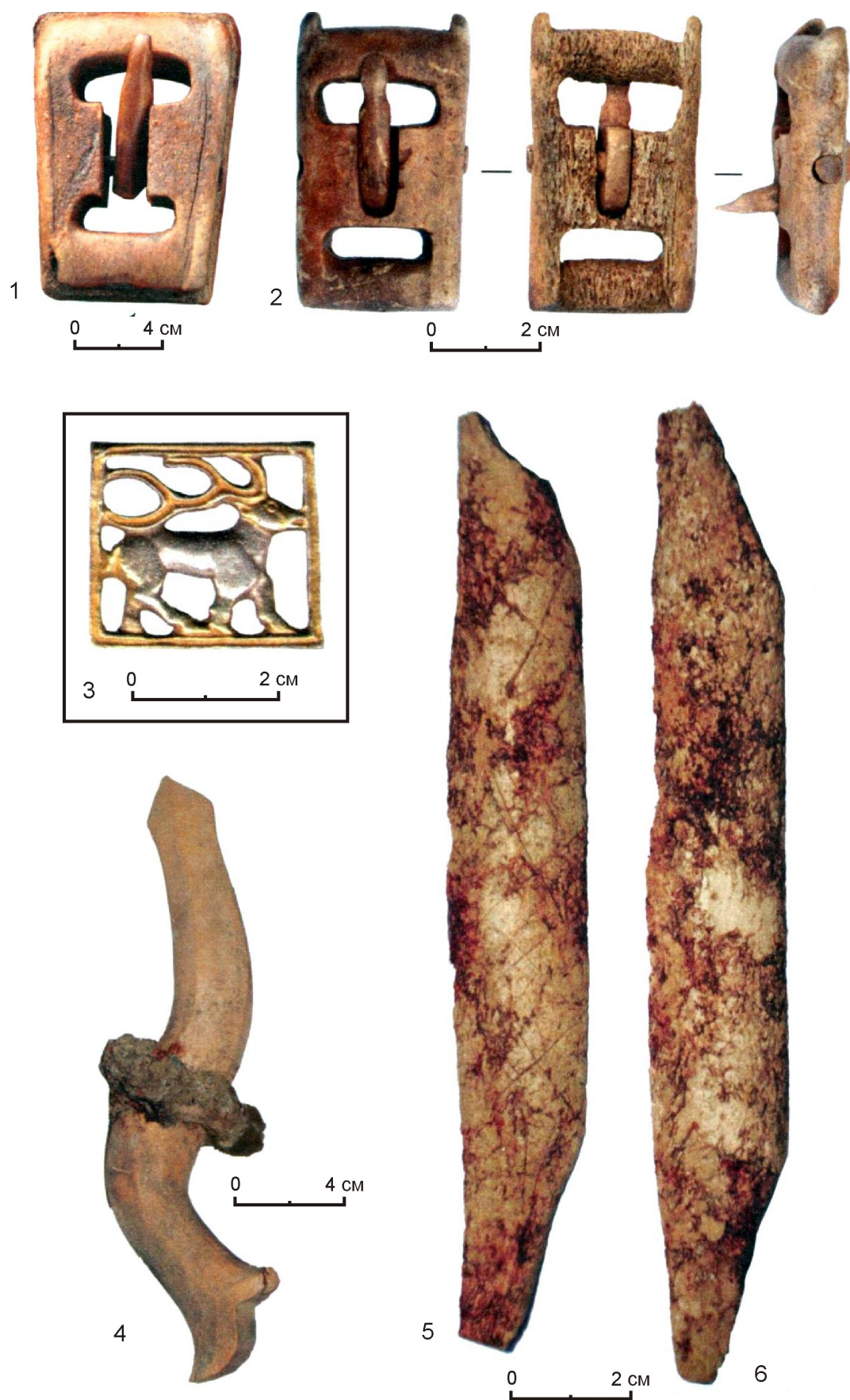

Рис. 6. Роговые изделия и изображения рогов марала из Каракабы I, II. 1, 2 – подпружные пряжки, изготовленные из одинарной пластины рогового ствола (1 – курган 12, Каракаба I; 2 – курган 5, Каракаба II); 3 – серебряная пластина с позолотой с изображением ветвистых рогов марала (курган 9, Каракаба I); 4 – роговой псалий с окончанием в виде «рыбьего хвоста» (курган 12, Каракаба I); 5 – роговые накладки лука (курган 5, Каракаба II)

Рис. 7. Аналогии торефтики Каракабы I с изображением марала с ветвистыми рогами.
1, 2 – Плотниково, бронза с позолотой (Верхняя Обь, окрестности г. Камень-на-Оби)

Большинство животных расстается с ними в первой половине марта – начале апреля. После неблагоприятных сезонов и болезни животных сбрасывание рогов может затягиваться до конца апреля или начала мая [7. С. 107; 8. С. 50–52; 9. С. 150]. Таким образом, наиболее результативные сборы рогового сырья, учитывая наличие растительности, возможны весной и осенью. В зависимости от времени роговое сырье будет существенно отличаться. Сброшенный рог, в сравнении с окостеневшим рогом на голове животного, отличается завершением всех жизненных процессов в его ткани. Вследствие этого отмечаются максимальное уплотнение рогового вещества, потеря естественных пластификаторов и постепенное увеличение сухости материала. Все это не может не отражаться на его сохранности, что на примере сброшенных рогов из кургана 13 Каракабы I проявляется в их ломкости (рис. 8, 2). В свою очередь, длительное нахождение сброшенного рога на грунте подвергает его значительной «контрастности» во впитывании и потере естественной влаги, а также постепенной минерализации и возможному воздействию грызунов. В целом все эти естественные воздействия приводят на трассологическом уровне к более коротким зарубкам при разделке рогового сырья (рис. 8, 5, 6).

Среди рогов со следами первичной разделки из кургана 13 Каракабы I представлены три основания рогов с розетками (включая роговую кирку), окончательно сформировавшиеся после их сбрасывания копытными

животными (рис. 4, 1, а, б; рис. 9). Два из этих оснований рогов являются парными. Определение принадлежности целого комплекта рогов к одной особи пока затруднительно, особенно если учесть неодновременность потери каждого из рогов в естественных условиях и их последующих сборах для заготовки косторезного сырья.

На парных роговых основаниях из кургана 13 Каракабы I (рис. 4, 1, а, б) последовательно удалены длинные надглазничные отростки (рис. 4, 4, з, и) и верхняя часть роговых ветвей. Эта часть заготовки в дальнейшем могла быть представлена как разветвлениями (рис. 4, 2, в, з), так их более глубокой переработкой на отдельные участки рогового ствола (рис. 4, 3, е, ж) и отсечения роговых отростков (рис. 4, 5, к, л). Подчеркнём, что для отсеченных роговых отростков (по материалам Каракабы I) характерно значительное разнообразие размеров. Это связано как с естественными размерами таких заготовок, так и зональностью их расположения от основания (рис. 4, 4, з, и) до окончания рогов (рис. 4, 5, к, л). Сама процедура разделки рогового сырья осуществлялась при помощи рубящего надсечения до внутреннего губчатого вещества ветвей (рис. 8, 3, 4) и отростков (рис. 8, 5, 6) с последующим переламыванием частей заготовок.

Комплект первичной разделки рогов марала из кургана 13 Каракабы I обладает всем потенциалом наиболее распространенных косторезных заготовок, характерных для древнетюркской культурной среды.

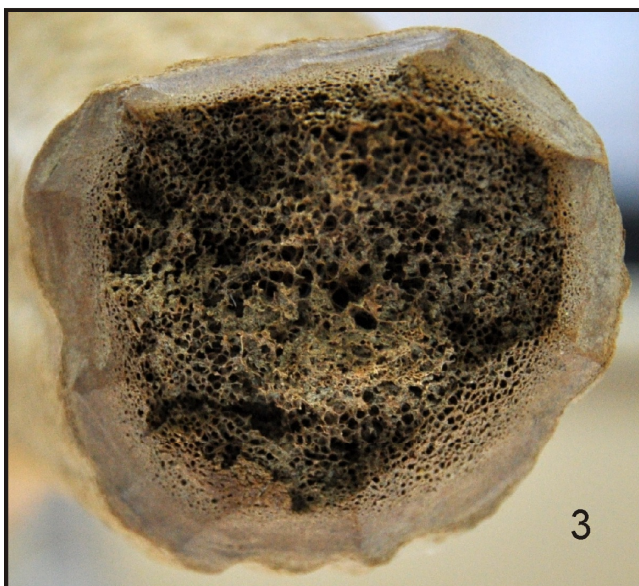
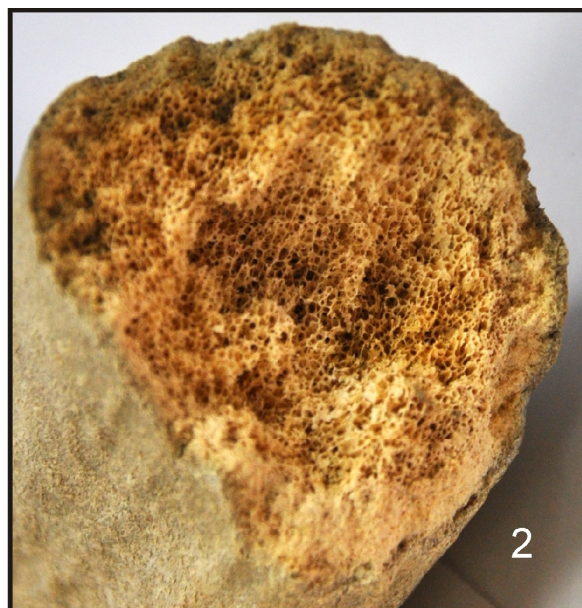

Рис. 8. Происхождение сырья и следы обработки рога: 1 – розетка сброшенного рога; 2 – переламывание роговой ветви; 3 – перерубание роговой ветви; 4–6 – рубящее отсечение роговых отростков

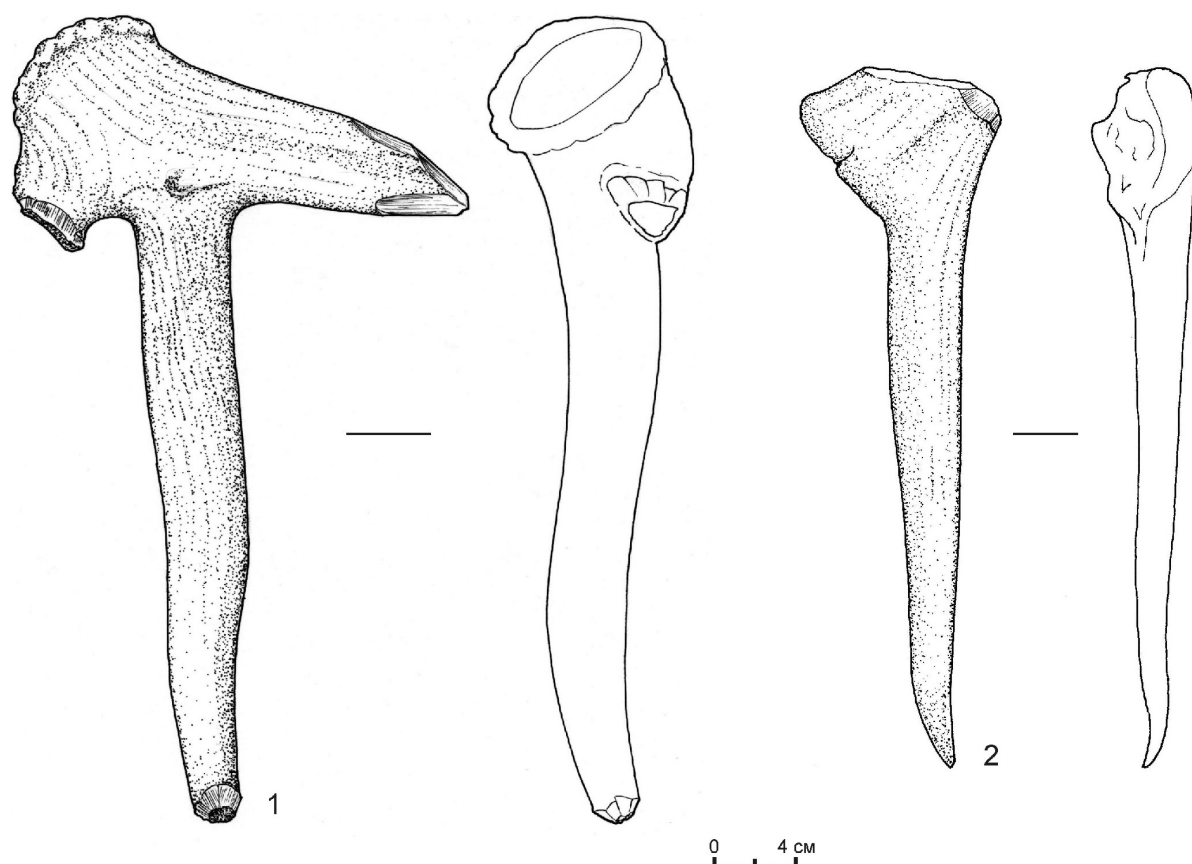

Рис. 9. Роговые землеройные инструменты: 1 – кирка из сброшенного рога марала с отсеченным надглазничным (ледовым) отростком и основной роговой ветвью; 2 – инструмент из рогового отростка и фрагмента ветви рога

Особое внимание следует обратить на розетки сброшенных рогов, которые являются одной из заготовок для производства роговых древнетюркских пряжек. Территориальный анализ распространения изделий из таких специфических заготовок позволяет констатировать их достаточно широкое распространение от лесостепного Обь-Иртышского междуречья до Саяно-Алтайской горной страны, включая Алтай, Туву и Хакасию [10. С. 210. Табл. 49, 2–5; 11. С. 134. Рис. 38, 12, 13, 15, 19]. Исходя из наличия этих пряжек, очевидно, что среди косторезного рогового сырья эпохи Средневековья на территории Южной Сибири и сопредельных регионах сброшенный рог и его собирательство имели важное значение как сырьевой ресурс косторезного дела и способ присваивающей хозяйственной деятельности. Другие разделочные части рогов из Каракабы I (отростки, разветвления, части ствола) также являлись наиболее распространёнными заготовками для производства различных резных роговых предметов древнетюркского времени. В качестве одного из примеров следует привести длинные надглазничные роговые отростки (рис. 4, 4, з, и), одинарные роговые пластины из которых использовались для изготовления накладок на лук (рис. 6, 5). Другой ценной заготовкой является ветвь рога с отсеченным одним роговым отростком у разветвления (рис. 4, 3, д). Именно из такой части рога после продольного расчленения ее на две одинарные роговые пластины и удаления избыточных по размерам краев заготовок получались седельные накладки из Кудырге, Боротала и целого ряда других древнетюркских

памятников Горного Алтая. Более короткие роговые отростки (рис. 4, 5, л) являлись заготовками для производства кочедыков.

Оценивая «производственный потенциал» захоронения кургана 13 Каракабы I со следами предварительной разделки рогового сырья, необходимо осмыслить его территориальное и производственное своеобразие. Подчеркнем, что для предметного комплекса археологических памятников, расположенных в ресурсных зонах, характерно наличие первичной «не глубокой» переработки рогового сырья, проявляющейся в разделении его на основные анатомические части строения цельного рога (отростки, разветвления, ствол). Кроме того, в материалах таких памятников отсутствуют результаты разделки рога на пластины и готовые изделия. Именно эти качества характерны уже для основных производственных зон в межгорных котловинах среднегорья, для археологических комплексов которых уже несвойственна детальная представленность первичной разделки рогового сырья. Начиная с эпохи раннего железа исключением для этих территорий являются ритуальные комплексы, связанные с рогами [12. С. 195. Рис. 57] и землеройными орудиями из них в погребениях. В качестве примеров можно привести Второй Пазырыкский и курган 11 Берельского некрополя на Алтае. Во втором Пазырыкском кургане на землеройном орудии был оставлен надглазничный отросток, у которого было удалено окончание [13. Табл. XXII/2]. В кургане 11 Берельского некрополя при изготовлении аналогичного орудия был отсечен надглазничный отросток, но оставлен распо-

ложенный над ним другой отросток рога [6. С. 87. Рис. 62]. Особое внимание на этом предмете следует обратить на следы незавершенной попытки отсечения роговой розетки [6. С. 87. Рис. 63, 1].

Такая заготовка получает широкое распространение в эпоху раннего железа для изготовления украшений и пряжек [14. С. 16. Рис. 4, 1–7]. Другим вариантом раскроя рога при изготовлении землеройных инструментов является отсечение мощного рогового отростка. Роговая кирка из кургана 11 Берельского некрополя отделена от роговой ветви и имеет приострение на участке окончания рогового отростка [6. С. 87. Рис. 64].

Роговая кирка из кургана 13 Каракабы I эпохи Средневековья изготовлена из левого сброшенного рога, у которого отсечен надглазничный отросток. В качестве рукояти использован второй надглазничный отросток, а рабочий край мотыги сформирован из основного ствола рога, у которого отсечен отросток (рис. 9, 1). Своеобразие разделки рога на роговой мотыге из кургана 13 Каракабы I эпохи раннего Средневековья в сравнении с аналогичными предметами раннего железа можно свести к меньшей тщательности и глубине разделки. Такие особенности связаны с тем, что в эпоху Средневековья в отличие от эпохи палеометалла роговые землеройные изделия уже давно являлись архаичными инструментами, не отражающими основных технологических инноваций в косторезном производстве. В свою очередь, использование рогового сырья не потеряло своего прежнего значения в эпоху Средневековья и даже приобрело, по мнению некоторых исследователей, особую роль [15, 16]. Основу этого культурно-исторического явления составила традиция активного использования рога в охотничьем и военном быту тюркских народов Саяно-Алтая, широко распространившиеся к концу I тыс. н.э. вплоть до Восточной Европы [16. С. 10]. На территории юга Западной Сибири эта тенденция достаточно отчетливо представлена в сопроводительном материале погребальных памятников кимаков [17. С. 114–118; 18. С. 167] к особой горной группе которых, возможно, относится и курганный группа Каракаба I [4. С. 409].

Заключение. Анализ косторезного производства древнетюркского времени Алтая представлен пока немногочисленными публикациями [19, 20], в которых, как правило, не раскрываются вопросы особенностей технологии этого промысла и формирования его сырьевой базы. В этой связи выявленный 3. Самашевым в древнетюркском погребении с подбоем кургана 13 Каракабы I комплект рогов марала со следами их первичной разделки имеет крайне важное значение: впервые эти материалы позволяют охарактеризовать одну из начальных стадий косторезного производства (сбор сырья, его первичную разделку и транспортировку). Важно также подчеркнуть, что расположение рогов со следами разделки в погребальных комплексах Алтая эпохи металла выявлено всего лишь в нескольких случаях. В эпоху раннего железа в долине р. Чуя известно несколько случаев погребальных комплексов с конем (Ала-Гаил-3, курганы 1, 11), в составе которых представлены рога со следами разделки [21. С. 220. Рис. 25, 3, 4; С. 225.

Рис. 30, 1, 2]. Для древнетюркской эпохи до обнаружения в кургане 13 некрополя Каракабы I комплекта рогов со следами первичной разделки такие захоронения пока были не известны.

Сам факт выявления погребения со следами косторезной специализации древнетюркской эпохи в долине р. Кара-Каба имеет достаточно важное значение. С одной стороны, это один из первых случаев обнаружения таких средневековых погребальных комплексов на Алтае. С другой стороны, проявление косторезной специализации достаточно типично для погребальной обрядности эпохи металла, несмотря на проблемность ее однозначной интерпретации как с производственной, так и социальной точек зрения [22]. Учитывая аморфность и более поздние сроки оформления специализации косторезного дела в сравнении с другими производствами, ритуально-погребальный комплекс кургана 13 Каракабы I все-таки следует рассматривать для древнетюркской эпохи как один из первых случаев фиксации целенаправленной заготовки рогового сырья и его первичной разделки. Наличие значительной части рогов со следами разделки в составе сопроводительного инвентаря захоронения коня в кургане 13 Каракабы I также достаточно любопытно. Среди древнетюркских погребений на территории Алтая известно уже несколько одиночных конских захоронений (Чобурак 1, курган 2; Бике III, курган 12), сопроводительный инвентарь которых явно связан с его символической транспортировкой [11. С. 333. Табл. 151; 23]. Не исключено, что помещение рогов со следами разделки в непосредственной близости от лошади в погребении кургана 13 Каракабы I также символизировало их транспортировку. В связи с этим, необходимо подчеркнуть, что именно такой способ перевоза собранного рогового сырья характерен для зоны алтайского высокогорья вплоть до настоящего времени [10. С. 210. Табл. 49, 6]. В целом захоронение с конем в кургане 13 Каракабы I можно рассматривать в контексте сбора, заготовки, транспортировки и первичной разделки рогового сырья на Алтае, связанного с развитым косторезным производством эпохи Средневековья. Широкие территориальные аналогии предметов косторезного производства курганных групп Каракабы I, II (подпружные пряжки, накладки на лук, роговые изогнутые пса-лии с окончанием в виде «рыбьего хвоста», торефтика с изображением маралов) представлены на различных территориях Алтая (Сростки), Восточного Казахстана (Кызыл-Ту), Барабинской лесостепи (Чулым-2) и Верхней Оби (Плотниково) (см. рис. 6, 7) [5. С. 16. Рис. 6, 2–4; 18. С. 12. Рис. 5, 5]. В этой связи показательно, что кимакская этнокультурная атрибуция средневековых захоронений Каракабинского некрополя [4. С. 409] соотносится с синхронными погребальными комплексами лесостепного Обь-Иртышского междуречья. Исходя из этого, захоронение из кургана 13 Каракабы I с комплектом рогового сырья со следами первичной разделки (см. рис. 4) позволяет рассматривать данный погребальный комплекс как один из эталонных для средневекового косторезного дела не только Центральной Азии, но и юга Западной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самашев З., Чотбаев А.Е., Жалмаганбетов Ж.М., Хасенова Б.М., Киясбек Г., Ахметов М.Г. Исследование древнетюркских памятников на Каракабе // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. Т. II. С. 163–166.
2. Самашев З. Культура ранних тюрков Казахского Алтая (по материалам некрополя Каракаба) // Восхождение к вершинам археологии. Сборник материалов научной конференции «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвященной 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. Алматы, 2014. С. 669–690.
3. Самашев З.С. Новые памятники средневековых кочевников Казахского Алтая // Алтай в кругу евразийских древностей : тез. докл. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 43–44.
4. Самашев З.С. Памятники средневековых кочевников верховий р. Каракаба в Казахском Алтае // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 379–409.
5. Очерки истории Камня-на-Оби. Камень-на-Оби, 1996. 100 с.
6. Бородовский А.П. Древний резной рог Южной Сибири. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. 180 с.
7. Собанский Г.Г. Промысловые звери Горного Алтая. Новосибирск : Наука, 1988. 157 с.
8. Собанский Г.Г. Копытные Горного Алтая. Новосибирск : Наука, 1992. 256 с.
9. Русская охота. Энциклопедия. М. : Изд-во БСЭ, 2002. 344 с.
10. Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 224 с.
11. Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая. По материалам погребальных памятников. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 340 с.
12. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М. : Наука, 1980. 256 с.
13. Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. Л. : Гос. Эрмитаж, 1948. 90 с.
14. Бородовский А.П. Методика исследования древнего косторезного производства. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2008. 102 с.
15. MakGregor A. Bone, Antler, Ivory and Horn. The technology of Skeletal Material Since Roman Period. London ; Sidney, 1985. 243 p.
16. Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII века. СПб. : Алетей, 2001. 254 с.
17. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. 175 с.
18. Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., Соболев В.И., Полосьмак Н.В., Сидоров Е.А., Соловьев А.И., Бородовский А.П., Новиков А.В., Ким А.Р., Чижишева Т.А., Беланов П.И. Бараба в тюркское время. Новосибирск : Наука, 1988. 174 с.
19. Овчинникова Б. Б. Косторезное искусство древних тюрков Саяно-Алтая // Степи Евразии в Древности и Средневековье (к 100-летию М.П. Грязнова). СПб., 2002. Кн. II. С. 267–270.
20. Кубарев Г.В. Орнаментальные мотивы в косторезном искусстве древних тюрков Южной Сибири и Центральной Азии // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2. С. 40–45.
21. Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. 282 с.
22. Бородовский А.П. Проблемы реконструкции специализации производств по обработке органических материалов на Юге Западной Сибири в эпоху палеометалла // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 18–23.
23. Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на средней Катунь // Археология Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. С. 75–82.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 ноября 2017 г.

OLD TURKIC GRAVES WITH SIGNS OF PRIMARY RAW HORN PROCESSING IN THE SOUTH-WEST OF THE ALTAI

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 112–123.

DOI: 10.17223/15617793/425/15

Andrei P. Borodovsky, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Zaynolla Samashev, Kazakh Research Institute of Culture (Astana, Kazakhstan). E-mail: kaz.madeniet@gmail.com

Bulbul A. Sirazheva, Kazakh Research Institute of Culture (Astana, Kazakhstan). E-mail: bulbul81@mail.ru

Keywords: Altai; procurement of bone-carving raw material; Old Turkic times; production specialization.

This publication aims to introduce into the scientific use the Old Turkic grave with a horse which was first discovered in Gorny Altai and whose auxiliary inventory included the results of collection, transportation and cutting of elk horns as bone-carving raw material. The conducted research agenda is related to identifying the attributes of the initial stage of bone-carving production in the medieval Central Asia, which is reflected in the burial complex materials. Horn processing in the Old Turkic epoch in the Altai is regarded as one of the most vivid phenomena of the tangible culture of the medieval Eurasian nomads. It is from this mountainous region possessing the entire variety of raw materials that different products closely related to the Old Turkic cultural tradition were distributed. Nevertheless, actually until recently no archeological complexes of that time were known with any materials related to the initial bone-carving stages. The research methodology is based on the material approach with the use of morphological analysis of the resource composition and trasological study of the processing traces. The resource basis for the research is represented by Burial Mound 13, Karakaba I, located on the territory of Katonkaragay District, East Kazakhstan Region, the Republic of Kazakhstan. In the course of the conducted research, the authors drew the following conclusions. First, the set of the initial elk horns cutting from the Old Turkic Burial Mound 13, Karakaba I, possesses the entire potential of the most widely spread bone-cutting raw parts which are typical of the Old Turkic cultural environment. Second, the geographical analysis of occurrence of products based on such specific raw parts testifies to their quite extensive use from the forest-steppe region between the Ob and the Irtysh, to the Sayan-Altai mountainous valley, including the Altai, Tuva and Khakassia. Third, the mere grave of the necropolis of Karakaba I is referred to rather old graves of the Old Turkic epoch in kerfs, and is obviously related to the traditions of furnishing the auxiliary inventory connected with transportation. The manifestation of the latter feature at the level of burial rituals is likely to have had a sacral and symbolic meaning. Such wide territorial analogies of the bone-carving objects from the burial mound groups of Karakaba I and II that can be found on various territories of the Altai (Srostki), East Kazakhstan Region (Kyzyl-Tu), the Baraba forest-steppe (Chulym-2), and the Upper Ob region (Plotnikovo) along with the set of horn raw materials bearing the traces of initial cutting allow considering this burial complex as one of the sample ones for the medieval bone-carving industry in Central Asia and the southern part of Western Siberia.

REFERENCES

1. Samashev, Z. et al. (2013) Issledovanie drevnetyurkskikh pamyatnikov na Karakabe [The study of ancient Turkic monuments in Karakaba]. *Trudy filiala Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana v g. Astana*. II. pp. 163–166.
2. Samashev, Z. (2014) [The culture of the early Turks of the Kazakh Altai (based on the materials of the necropolis of Karakaba)]. *Voskhozhdenie k vershinam arkheologii* [Ascent to the heights of archeology]. Proceedings of the conference “Ancient and medieval states on the territory of Kazakhstan”, dedicated to the 90th anniversary of the birth of K.A. Akishev. Almaty: Institut arkheologii im. A.Kh.Margulana. pp. 669–690. (In Russian).
3. Samashev, Z.S. (2016) Novye pamyatniki srednevekovykh kochevnikov Kazakhskogo Altaya [New monuments of medieval nomads of the Kazakh Altai]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Altay v krugu evraziyskikh drevnostey: tez. dokl.* [The Altai in the circle of Eurasian antiquities: abstracts]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN.
4. Samashev, Z.S. (2016) Pamyatniki srednevekovykh kochevnikov verkhoviy r. Karakaba v Kazakhskom Altai [Monuments of medieval nomads of the upper reaches of the Karakaba River in the Kazakh Altai]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Altay v krugu evraziyskikh drevnostey* [The Altai in the circle of Eurasian antiquities]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN.
5. Startsev, A.V. (ed.) (1996) *Ocherki istorii Kamnya-na-Obi* [Essays on the history of Kamen-na-Obi]. Kamen-na-Obi: Altay-koks.
6. Borodovskiy, A.P. (2007) *Drevniy reznoy rog Yuzhnoy Sibiri* [Ancient carved horn of Southern Siberia]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN.
7. Sobanskiy, G.G. (1988) *Promyslovye zveri Gornogo Altaya* [Trade animals of the Altai Mountains]. Novosibirsk: Nauka.
8. Sobanskiy, G.G. (1992) *Kopytnye Gornogo Altaya* [The ungulates of the Altai Mountains]. Novosibirsk: Nauka.
9. Bedel', V.V. et al. (eds) (2002) *Russkaya okhota. Entsiklopediya* [Russian hunting. Encyclopedia]. Moscow: Izd-vo BSE.
10. Borodovskiy, A.P. (1997) *Drevnee kostoreznoe delo yuga Zapadnoy Sibiri. (vtoraya polovina II tys. do n.e. – pervaya polovina I tys. n.e.)* [Ancient bone carving in the south of Western Siberia. (the second half of the II millennium BC – the first half of the 1st millennium AD)]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.
11. Kubarev, G.V. (2005) *Kul'tura drevnikh tyurok Altaya. Po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov* [Culture of the ancient Turks of Altai. Based on materials of funerary monuments]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.
12. Grach, A.D. (1980) *Drevnie kochevniki v tsentre Azii* [Ancient nomads in the center of Asia]. Moscow: Nauka.
13. Rudenko, S.I. (1948) *Vtoroy Pazyrykskiy kurgan* [The second Pazyryk mound]. Leningrad: Gos. Ermitazh.
14. Borodovskiy, A.P. (2008) *Metodika issledovaniya drevnego kostoreznogo proizvodstva* [A technique for studying ancient bone-cutting production]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
15. MakGregor, A. (1985) *Bone, Antler, Ivory and Horn. The technology of Skeletal Materials Since the Roman Period*. London; Sidney: Croom Helm.
16. Flerova, V.E. (2001) *Reznaya kost' yugo-vostoka Evropy IX–XII veka* [Carved bone of the south-east of Europe of the 9th–12th centuries]. St. Petersburg: Aleteya.
17. Savinov, D.G. (1984) *Narody Yuzhnoy Sibiri v drevnetyurkskuyu epokhu* [Peoples of Southern Siberia in the ancient Turkic era]. Leningrad: Leningrad State University.
18. Molodin, V.I. et al. (1988) *Baraba v tyurkskoe vremya* [Baraba during the Turkic period]. Novosibirsk: Nauka.
19. Ovchinnikova, B.B. (2002) Kostoreznoe iskusstvo drevnikh tyurokov Sayano-Altaya [Bone carving art of the ancient Turks of the Sayano-Altai]. In: Piotrovskiy, Yu.Yu. (ed.) *Stepi Evrazii v Drevnosti i Srednevekove (k 100-letiyu M.P. Gryaznova)* [Steppes of Eurasia in the Antiquity and the Middle Ages (to the 100th anniversary of M.P. Gryaznov)]. Book 2. St. Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh.
20. Kubarev, G.V. (2012) Ornamental'nye motivy v kostoreznom iskusstve drevnikh tyurok Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii [Ornamental motifs in the carving of ancient Turks of Southern Siberia and Central Asia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanities in Siberia*. 2. pp. 40–45.
21. Kubarev, V.D. & Shul'ga, P.I. (2007) *Pazyrykskaya kul'tura (kurgany Chui i Ursula)* [Pazyryk culture (Chui and Ursula burial mounds)]. Barnaul: Altai State University.
22. Borodovskiy, A.P. (2013) Issues related to reconstruction of specialization of organic materials processing industries in the south part of Western Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3 (23). pp. 18–23. (In Russian).
23. Borodovskiy, A.P. (1994) Issledovanie odnogo iz pogrebal'no-pominal'nykh kompleksov drevnetyurkskogo vremeni na sredney Katuni [Study of one of the funeral-memorial complexes of the ancient Turkic time in the Middle Katun]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Arkheologiya Gornogo Altaya* [Archeology of Gorny Altai]. Barnaul: Altai State University.

Received: 21 November 2017